

же касается лиц, подписавших упомянутый меморандум, то мною отдано распоряжение правительству о прекращении с ними всяких отношений и о представлении чешскому правительству отозвать этих лиц из России, и если угодно, то прислать представителей, которые, по крайней мере, умели бы себя вести прилично.

Адмирал Колчак

Публикуется по «Вестнику НКВД», Москва,
1 июля 1921 г., № 5—6, стр. 91—92.

¹ См. док. 245.

² См. комментарий к док. 240.

Не имея сколько-нибудь значительных собственных вооруженных сил и никакого влияния в массах, эсеры из штаба Гайды попытались привлечь к участию в антиколчаковском перевороте части местного гарнизона, профсоюзные организации моряков, грузчиков, железнодорожников и партизанские отряды, находившиеся под влиянием большевиков. По сведениям колчаковской контрразведки, большевики, однако, «отказались от активного участия» (ЦГАОР, ф. 147, оп. 10, д. 100, л. 4). В то же время большевистский крайком не сумел занять четкой позиции по отношению к готовящемуся перевороту и послал в штаб Гайды своего наблюдателя. Когда 17 ноября началось восстание, из поезда Гайды было распространено воззвание за подписью большевистской организации с призывом к свержению Колчака. Крайком не принял мер для того, чтобы удержать введенные в заблуждение рабочие дружины, и в частности грузчиков порта, от участия в генеральско-эсеровской авантюре. Союзное командование, испугавшись, что движение может принять нежелательный для него характер, воздержалось от помощи гайдовцам, а генерал Розанов совместно с японцами жестоко подавил восстание. Многие его рядовые участники заплатились жизнью, эсеровские заговорщики разбежались, а Гайда был награжден чехословацким военным крестом и срочно отправлен в Европу.

252

Письмо уполномоченного чехословацкого правительства в России В. Гирсы министру торговли и промышленности Временного Сибирского правительства Н. С. Третьякову по поводу чехословацкого меморандума представителям Союзных держав

Иркутск

29 ноября 1919 г.

Господин министр,

Возбуждение, возникшее по поводу нашего меморандума представителям Союзных держав¹, и неправильное толкование его заставило меня обратиться к Вам со следующим разъяснением:

1. Обращаю Ваше внимание на то, что в тексте меморандума имя верховного правителя совершенно не упоминается и ни одним словом не критикуются действия правительства.

2. Меморандум адресован представителям Союзных держав, ибо Союзные державы поручили чехословацкой армии охранять линию железной дороги от Иркутска на запад, поэтому понятно, что именно Союзным державам необходимо было заявить о невозможности для чехословацкой армии продолжать охрану железной дороги главным образом по причинам морального характера.

3. В меморандуме ясно сказано, что обстановка на местах и местные причины служат поводом невыносимого положения нашей армии. Это обстоятельство должно быть хорошо известным правительству, ибо по этому поводу неоднократно наши политические и военные представи-

тели обращались к правительству с указанием на постоянно возникающие конфликты с некоторыми местными военными властями и с просьбой предоставить охрану железной дороги и прилегающей местности исключительно нашим войскам, что по нашему глубокому убеждению безусловно действовало бы успокоительно на настроение всего населения этих местностей и дало бы возможность военному командованию использовать на фронте находящиеся в тылу части русской армии, следовательно, в предложении нашем правительство никак не могло усмотреть попытку вмешиваться в распоряжения правительства, каковое толкование для нас является совершенно непонятным, а, напротив, могло при желании видеть даже поддержку правительства, раз оно не одобряет те действия на местах, от которых из души чехословацкой армии вырвался крик ужаса и отчаяния. Наше отношение к большевикам мы доказали на деле, кажется, довольно ясно и определенно и борьбу с большевизмом продолжаем дальше, и потому нам и невыносимо жить в обстановке, которая создает большевизм. Взгляды наши на борьбу с большевизмом расходятся со взглядами некоторых местных русских властей, и нам кажется, что мы все-таки ближе подошли к истине, ибо нет большевизма ни в наших рядах, ни в русском народе, где он находится в исключительном общении с нами.

Что же касается тех действий, которые заставили нас написать меморандум как последнюю попытку вырваться из этой невыносимой обстановки — о чем мы просим напрасно уже год, — мы готовы представить правительству и представителям Союзных держав целый ряд документов.

Что касается меня лично, я всегда искренне заботился о том, чтобы армия наша не ушла из пределов России с каким-либо тяжелым осадком на душе, и надеюсь, что никогда посторонние причины не смогут уничтожить ту горячую любовь к России и к русскому народу, которая единственно является мотивом всех наших начинаний и которая столько раз доказана была на деле.

*AMZV, Praha, fond B. Pavlů, krab., č. 9,
sl. VII/6, č. 10183.
Копия.*

¹ См. док. 245.

253

*Донесение контрразведывательного отделения в Министерство
внутренних дел Временного Сибирского правительства
об эвакуации чехословацких частей*

8 декабря 1919 г.

1. При чехословацком штабе корпуса в Иркутске организована ликвидационная комиссия, которая уже приступила к ликвидации некоторых материалов и имущества. (Комиссия заседает в гостинице «Националь» по Тихвинской улице.)

2. Вопрос об эвакуации чехов решен в положительном смысле Советом пяти, в Праге и на месте. Помощи от чехов ожидать нельзя. Идет лихорадочная работа по передвижению и разгрузке 1-й дивизии, которая к 14 декабря должна полностью выехать на восток.